

«ВЛАСТЬ НАРОДА»: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕМОКРАТИИ И БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ «НАРОДОВЛАСТИЯ»

Владимир Фурс

В выступлении «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире» (22. 07. 04) А. Г. Лукашенко дал замечательно емкую характеристику официальной белорусской «реальности»: «суверенная, процветающая, демократическая по своим, а не по чужим рецептам Беларусь». Здесь схвачена самая суть, хотя, конечно, лаконичность формулировки требует поясняющего комментария. Вообще говоря, экспликация специфического значения слов «суверенитет» и «процветание» в процитированной фразе представляется интересной и важной задачей. Но особую актуальность в связи с недавно прошедшими президентскими выборами приобретает прояснение своеобразия официальной модели народовластия относительно современных представлений о демократии, значимых и за пределами Беларуси.

Ясно, что демократия – это одновременно нормативное и эмпирическое понятие: нормативная идея демократии осуществляется в большей или меньшей степени, но никогда – полностью; поэтому, в частности, нет и не может быть стран, являющихся ее воплощенным образцом. И сама идея демократии не является вневременной: ведь современные общества устроены существенно иначе, чем древнегреческие гражданские общины. От греков – «изобретателей демократии» – современное понимание наследует лишь общую формальную характеристику, которую именно в силу ее формальности можно, пожалуй, считать трансисторическим архетипом демократии: *принцип автономии политического сообщества*. Древнегреческая демократия стала историческим прообразом проекта автономии, получившего всемирно-историческое распространение. Как подчеркивает Корнелиус Касториадис, автономия состоит не в действии согласно всеобщему и неизменному моральному закону, наподобие кантовского категорического императива. Автономия – это рефлексивное полагание обществом законов своего существования. Такое полагание никогда не является полным и всеобъемлющим, оно всегда имеет характер проекта, осуществимого лишь частично, но, в любом случае, оно предполагает радикальную постановку под вопрос наличной (устоявшейся, установленной) общественной формы и способность формирующей коллективной самодеятельности. Демократия – это не один из видов политического режима, а проект, нацеленный на достижение политической рефлексивности общества, а значит, на превращение системы публичной власти в прозрачную и обдуманную коллективную самодеятельность, объектом которой

являются наличные общественные формы.¹ Этот проект реализовывался в разных исторических контекстах, и его содержание изменялось соответственно исторически изменчивому устройству политических сообществ.

Современное понимание идеи демократии сформировалось применительно к политическим сообществам современного типа, для понимания специфики которых важно преодолеть влияние идеализации классического древнегреческого полиса на наше политическое мышление. Использование термина «сообщество» может быть дезориентирующим, если при этом игнорируется различие между локальными социальными сетями, основанными на взаимодействии лицом к лицу, и крупномасштабными социетальными образованиями типа нации, состоящими из культурно подобных индивидов и зависящими от рынка и других форм системной интеграции.² Вся гражданская община могла общаться лицом к лицу на небольшой площади, но в сложных современных обществах, представляющих собой образования большого масштаба, политическая жизнь уже не может строиться на общинных основаниях. Политическое сообщество состоит из «чужаков» — лично не связанных и, как правило, вообще не знакомых друг с другом самостоятельных индивидуумов, а чувство идентичности с большими массами удаленных и преимущественно анонимных других членов общества поддерживается медийно опосредованной коммуникацией.

Модерные политические сообщества характеризуются особым опытом времени, особой темпоральностью: утрачивается направляющая сила традиции, неустойчивое настоящее ориентировано в неясное будущее, полное как возможностей, так и опасностей. Индивиды, освобожденные от уз традиционной социальности, становятся хозяевами собственной судьбы, они сообща устанавливают для себя законы, тем самым самостоятельно формируя уклад своей жизни. Идея автономии, самозаконотательства, здесь имеет двойной смысл индивидуальной самореализации и коллективного самоопределения. Демократическая политическая практика является выражением свободы, коренящейся в субъективности индивидуума и народном суверенитете.

Однако *сложный характер современных политических сообществ порождает и воспроизводит напряжения в самой идее демократии.*³ Во-первых, это *напряжение между двумя аспектами автономии* — самореализацией индивидуума и самоопределением политического сообщества как единого целого, — которое оборачивается рассогласованностью фундаментальных принципов свободы и равенства и проявляется также как проблема сочетания единства политической воли с гражданским плюрализмом, власти большинства с правами меньшинства и т. п. Эгалитаристское представление о верховенстве единой народной воли имеет своей теневой стороной то, что частные воли граждан в их многообразии и разнородности игнорируются или подавляются. А либеральное представление о приоритете прав человека перед волей большинства оборачивается узко негативной трактовкой

политической свободы как «свободы от» и проблематичностью общих целей.

Во-вторых, существование сообщества предполагает ориентацию на общее благо, значимое для всех и определенное при участии всех, предполагает узы социальной солидарности и интеграцию посредством достижения взаимопонимания. Однако сложная организация современных обществ обуславливает их коммуникативную непрозрачность, эти общества интегрированы в значительной степени системными механизмами. Поэтому политическое сообщество не может строиться как добровольная ассоциация, в которой цель объединения еще не была бы функционально обособлена от целей и ценностных ориентаций ее членов. *Реализация автономии политического сообщества неизбежно осложняется аппаратным опосредованием*, что чревато самодовлением аппарата и бюрократической инструментализацией политики: бюрократическая рациональность подменяет осуществление политической свободы эффективностью управления.

В-третьих, имеется *неравенство демократии себе самой*, связанное с темпоральной организацией современных обществ. Демократия представляет собой не только нечто наличное, но и проект, раскрытый в будущее, которое не предопределено. «Налично существующая демократия» дестабилизируется нормативным горизонтом «подлинной демократии». Неизбывным является напряжение между универсалистским притязанием демократии и ее всегда частичным содержанием: быть для кого-то демократией, предполагающей исключение и обделение других. Критика существующей демократии как маскировки классового (расового, гендерного) неравенства вызывает к жизни проекты «радикализации демократии». И если эти проекты утопичны (как, например, проект демократической самоорганизации общества трудящихся), то, с другой стороны, любая наличная форма представляет собой «недемократию» в том или ином смысле.

Эти внутренние напряжения и рассогласованности в идее демократии свидетельствуют о крайней наивности ее привычного «этимологического» определения: «власть народа» говорит о сущности демократии не больше, чем «любовь к мудрости» о сущности философии. Народ-суверен не есть некое существо «высшего порядка», субъект деятельности, наделенный волей и сознанием. *Субстанциализация «народа» нивелирует сложность организации современных политических сообществ и является научно ошибочной и дезориентирующей в практико-политическом плане.* Тем более что в последние десятилетия эта исходная и уже хорошо освоенная в политической мысли сложность возросла настолько, что впору говорить скорее о «сверхсложности»: произошло расширение политического за пределы сферы политики в конвенциональном смысле, то есть относительно обособленной подсистемы в рамках нации-государства. Во-первых, глубокие социально-культурные трансформации в западных обществах на рубеже 1960–70-х гг. обернулись расцветом «новых социальных движений», практикующих неконвенциональное политическое действие вне устоявшихся рамок представительства. Как отмечает Ален Турэн, соци-

альные движения борются за придание общественной формы определенным культурным ориентациям, отличающимся от доминирующих в обществе. Ставкой в их борьбе является не распределение материальных благ, а общественная историчность.

Во-вторых, процессы глобализации, чрезвычайно ускорившиеся в 1990-х, привели к образованию транснационального измерения социальной жизни поверх территориально-государственных границ. Новое состояние глобальности породило надежду на становление единого «мирового общества», наконец-то преодолевающего разобщенность человечества. А в качестве адекватной политической формы «мирового общества» представлялась «космополитическая демократия»⁴. Увы, прекрасные мечты развеялись от столкновения с теневой стороной глобализации, которая, как оказалось, не только объединяет и открывает небывалые возможности, но также разъединяет и образует новые иерархии. Глобализация – это не объединение территориальных обществ в согласованно функционирующую систему всемирного масштаба, а усиление глобальной взаимосвязи разнородного. Поэтому реальность глобализации – это новый мировой беспорядок, производимый несогласованной динамикой и зачастую конфликтным взаимодействием множества разнородных политических тел.

Вопреки ожиданиям 1990-х, глобализация не разрушила рамки территориальных государств, более того, последние сумели немало отыграть у транснациональных потоков (финансов, товаров, технологий, людей, идей и образов), вводя и усиливая контроль над ними. Нация-государство и ныне остается основной организующей формой социальной жизни и политического процесса, однако национальное политическое пространство становится еще более сложным и разнородным как вследствие политизации культурных различий, так и того, что оно перекрывается транснациональными акторами (наднациональными организациями и НПО). *Одной из отличительных черт нового опыта нестабильности является обострение конфликтов легитимности*: игроки, сталкивающиеся в политическом противоборстве, ввиду взаимной чуждости не воспринимают друг друга как легитимных партнеров по взаимодействию и с легкостью переходят к насилию для разрешения конфликта.

Новым общественным реалиям должна соответствовать новая демократическая форма – «плюралистическая демократия». Как подчеркивает автор одной из влиятельных трактовок последней Шанталь Муфф, в настоящее время демократическое мышление должно опираться на признание реальности неразрешимых конфликтов. Типичным для жизни в современном обществе является наше столкновение с «конститутивно внешним», с Другим, отрицающим нашу идентичность и ставящим под вопрос само наше существование. Жизнеспособный демократический процесс требует осознанного поддержания открытого конфликта, а не его замалчивания или декоративного разрешения. Только при этом следует проводить различие между «врагом» и «соперником»: важно, чтобы в рамках политического сообщества оппонент рассматривался не как враг, которого следует

уничтожить, а как соперник, чье существование признается законным и должно восприниматься с терпимостью, несмотря на неразрешимые расхождения.⁵ Мы будем бескомпромиссно бороться против его идей, но не будем ставить под вопрос его право их защищать. Таким образом, нужно не отрицать реальность антагонизмов, а давать им политическое разрешение в рамках плюралистической демократической системы, сильной стороной которой является то, что она переводит враждебность в мирную форму открытого соперничества.

Задача далеко не из легких и не имеющая общего и однозначного решения, и все же в современных политико-философских дискуссиях в качестве ключевого элемента, придающего жизнеспособность плюралистической демократии, вырисовывается *независимая публичная сфера*. Это коммуникативное пространство располагается в качестве посредствующего звена между областями частной жизни и государством. Оно образовано взаимодействием (пересечением, наложением) множества публик – спонтанно возникающих автономных объединений частных лиц. Публики не имеют властных полномочий, не принимают непосредственного участия в принятии политических и управленческих решений; способом их существования является разговор: на различных дискурсивных аренах частные лица обсуждают общие дела. И, тем не менее, независимая публичная сфера поддерживает автономию общества относительно государства; более того, путем прояснения значимых вопросов и обсуждения острых тем, посредством формирования общественного мнения она способна оказывать направляющее и контролирующее воздействие на государство.

Конечно же, наивно представлять себе публичную сферу как область свободной от принуждения рациональной коммуникации, в которой достигается общественное согласие. Это коммуникативное пространство является сложным и разнородным образованием, пронизанным социальным противоборством между господствующей публикой, основанной на практиках исключения, и оппозиционными объединениями общественности. И само понимание границ «публичности» не является естественной данностью: вытеснение некоторых тем в область «частного» (относящегося к распоряжению частной собственностью или к внутрисемейным отношениям) может служить легитимации классового и гендерного неравенства.⁶

Однако независимый от государства публичный дискурс, несмотря на пронизывающие его властные асимметрии и фактическую ограниченность, содержит в себе идеализирующее предвосхищение универсальной публики. Приводя острые общественные конфликты к прозрачности (пусть всегда частичной), *дискурсивное противоборство обеспечивает поступательное расширение и обогащение публичности и служит путеводной нитью для превращения «врагов» в «соперников» в рамках плюралистической демократии.*

Таким образом, и в очень сложно организованных политических сообществах, пронизанных антагонизмами, демократический проект автономии сохраняет свою жизнеспособность. Но, как нетрудно заметить, современный образ демократии радикально инороден офи-

циальной белорусской «реальности». Это и неудивительно: «Старые установки типа “догнать”, “перегнать”, “усвоить цивилизованный опыт” – эти понятия мы уже сдали в утиль, и возвращения к ним не будет»⁷. Тем не менее их сопоставление продуктивно в критико-аналитическом плане, причем не только для того, чтобы констатировать патологическое отклонение от нормы. По нашему мнению, рассмотрение белорусского «особого случая» в свете современных представлений о демократии эвристично: оно позволяет более основательно раскрыть перверсивный характер официальной модели «народовластия» и проинтерпретировать событие недавних президентских выборов.

Имея вполне определенное институциональное воплощение, белорусская модель «народовластия» существует и на уровне социального воображаемого – того «невидимого цемента» (Касториadis), который придает институтам смысл и естественность, сплетает их во взаимодействии и легитимирует как согласованную целостность. Для характеристики модели на этом уровне мы используем раскавыченные цитаты из опубликованных выступлений А. Г. Лукашенко последних лет: зачитываемые речи или отредактированные выступления, в отличие от экстравагантных импровизаций, содержат в себе показательные общие места официального воображаемого.

При таком подходе в белорусской модели народовластия можно выделить как минимум три основных элемента. Первым из них является *субстанциализация «Народа» – источника легитимности государственной власти*. Народ воображается не просто как целостное монолитное образование, но почти что как антропоморфное существо, наделенное сознанием и волей. Народ – умный и образованный – все видит и понимает. Обычно доброжелательный, толерантный и рассудительный, он, когда надо, становится мужественным, волевым и непреклонным и отвергает внешнее давление, навязывающее чуждые ему формы жизни. Квазисущество «Народ» обладает нуждами и потребностями «простого человека»: он непритязателен, ценит мир и спокойствие, довольствуется относительным благополучием.

Вторым элементом является *маргинализация автономных политических игроков* (партий и НПО), категоризируемых как «оппозиция». В принципе признается, что партии, движения или общественные объединения вправе отражать различные точки зрения нашего населения по разным проблемам общественного развития. Белорусская демократия не отвергает инакомыслия, но требует чистоты побудительных мотивов, опоры только на свой народ и единства действий на основе народных интересов. А оппозиционные партии и общественные организации в нашем обществе вообще никого не представляют и являются противниками народа и общества. Они систематически не получают на выборах народной поддержки, потому что предлагают деструктивные программы, выступают за то, чтобы повернуть вспять базисательный курс последнего десятилетия, разрушить созданное в Беларуси за это время. Сверхзадачей оппозиции является борьба против нынешней власти за деньги, получаемые из-за границы. И власть на самом деле

не нужна оппозиции, потому что власть — это тяжелое бремя, или нужна разве что для того, чтобы расщелкаться с Западом и себе ухватить кусок народного достояния, не думая о будущем страны. Таким образом, у оппозиции нет никакого позитивного ресурса, пока что это «так называемая оппозиция».

Наконец, третьим элементом является *установление цикла воображаемых непосредственных отношений Народа и Президента*, подготовленное маргинализацией автономных политических игроков. Эти отношения воображаются как непосредственные благодаря символическому унижению чиновничества: последнее трактуется как неизбежное зло (без чиновников государству не обойтись), но это зло следует минимизировать жестким контролем Президента. Встречаясь с людьми на местах, Президент чувствовал (даже если люди сами ничего не говорили), что обижают чиновники простого человека, — и он объявил борьбу за деbüroкратизацию общества. В частности, весьма эффективным методом профилактики бюрократизма и поддержания активности всей государственной системы является регулярное обновление кадров на руководящих должностях. Президент непосредственно обращается к народу, его заботят нужды и проблемы простых людей, постоянно и повсеместно встречаясь с людьми, он знает комплекс этих нужд, сам незамедлительно принимает решения, снимающие локальные проблемы, и жестко контролирует исполнение этих решений чиновниками. В ответ на эту всеобъемлющую заботу Народ совершает настоящий подвиг: в условиях сильнейшего давления со стороны враждебного окружения Беларуси поддерживает Президента на выборах и референдумах.

Президент, непосредственно уполномоченный Народом, перед ним же непосредственно отвечает всеми своими делами. Будучи лишь полномочным представителем Народа-суверена, Президент одновременно всецело активен и всецело пассивен: он движет всем в государстве, но ничего не привносит от себя, а только выполняет волю Народа. Народ и Президент действительно едины до неразличимости, но «онтологически» они полагаются различными; в этой игре единства и различия и заключается весь фокус: *утверждение Президента в качестве единственного и непосредственного представителя воображаемого субстанциального Народа обеспечивает самолегитимацию власти; Народ в этой модели народовластия функционирует как алиби для авторитарного государства.*

Эта воображаемая конструкция жизнеспособна и обладает практической реальностью постольку, поскольку отдельные индивиды и различные категории населения в нее инвестируют: идентифицируют себя с Народом и признают Президента своим защитником и опекуном. Реальным «базисом» белорусской модели «народовластия» служит *политическая экономия страха* — система, в которой можно выделить по меньшей мере три рабочих блока:

1) спонтанное генерирование страхов и боязней опытом жизни в меняющемся мире (страха самостоятельного выбора в ситуации ценностной неопределенности, боязни жизненной и профессиональной

несостоятельности в новых условиях, страха перед бесконтрольной рыночной стихией, боязни социальных конфликтов, этнического насилия, разгула преступности и т. п.);

2) расширенное воспроизводство страха перед нестабильностью «большого мира» посредством «идеологических аппаратов государства» (государственных масс-медиа, системы образования, подконтрольных общественных организаций, системы социальной работы)⁸;

3) запугивание посредством использования репрессивного аппарата авторитарного государства; здесь следует обратить особое внимание на «мягкие» репрессии, не требующие применения физического насилия и осуществляющие производство и распределение страха⁹ (проблемы с карьерой или бизнесом, увольнения, отчисления из учебного заведения и т. п.); мягкая репрессия сдерживает и упреждает практические проявления нелояльности, причем не только явно оппозиционной деятельности, но и вообще личной независимости, самостоятельности в суждениях и поступках.

Система политической экономии страха генерирует поддержку власти; причем в действительности смысл «поддержки» варьируется в весьма широком спектре, включающем, в частности: искреннюю приверженность политическому авторитаризму; нужду в государственной опеке и социальных гарантиях; боязнь перемен и связанной с ними неопределенности; неверие в перспективность противостояния сильной власти; прагматическое встраивание индивидуальных жизненных проектов в существующую систему; нерелексивное принятие политического порядка, каким бы он ни был. Таким образом, *мотивов и степеней поддержки много, и они весьма различны, но официальное воображаемое сплавляет это многообразие в единый интегральный эффект поддержки Президента всем Народом.*

В свете современных представлений о демократии становится понятной специфическая перверсивность официальной белорусской модели: *здесь осуществление «народовластия» на деле означает стирание политического.* Во-первых, в том смысле, что *единственным политическим субъектом в этой модели оказывается Президент:* ведь субстанциальный Народ не является действующим лицом, точнее, единственным его (воображаемым) актом является передача Президенту мандата на суверенную власть. Но в таком случае личные идиосинкразии, пристрастия, фобии, колебания настроения и т. п. А. Г. Лукашенко (человеческого субстрата Президента) обретают непосредственно политическое значение. Причудливо перемешиваясь с личным, публично-политическое утрачивает свою определенность.

Во-вторых, *под прикрытием официальной мифологии всё решающего и всё движущего Президента расцветают многообразные аппаратные авторитаризмы.* Представление о Лукашенко как о злом гении, стоящем за всеми гадостями и несправедливостями в Беларуси, — это простая инверсия представлений о нем же как лично обеспечивающем движение каждого комбайна (и, вообще говоря, всемогущество Президента прямо пропорционально воображаемой субстанциальности Народа). Аппарат символически унижен, но практически именно ему

принадлежит реальная власть на всех аренах социального взаимодействия, и это позволяет говорить о Беларуси как всецело администрируемом обществе.

В-третьих, *белорусская модель «народовластия» деполитизирует население*. «Гражданская» позиция здесь предполагает добровольное самоограничение: бремя принятия политических решений передоверяется власти («я не занимаюсь политикой», «политика меня не касается»), существующий порядок воспринимается как квазиприродная рамка повседневного существования, горизонт мышления и действия замыкается в сфере частной жизни (бытовых, семейных, карьерных и т. п. проблем). Более того, безопасность и обеспеченность частного напрямую зависит от добровольно принятой политической индифферентности. Парадоксальным образом белорусское «народовластие» фактически переводит общество в дополитическое состояние, а политический процесс в целом приобретает характер инсценировки.

Поэтому и президентские выборы инсценируются не только в смысле нарушений при их проведении и злоупотреблений при подсчете голосов: действительное скрытое значение этого действия не совпадает с публично объявленным. Это не политическое волеизъявление граждан, выбирающих высшее должностное лицо в своем государстве, а ритуал воспроизводства замкнутой белорусской «реальности». Жертвы политической экономии страха подтверждают свою замкнутость в частной жизни, авторитарная власть легитимирует саму себя, используя Народ как алиби.

Такие выборы по определению не могут быть событием, у них темпоральность воспроизводства предзаданного образца. На первый взгляд может показаться, что ничего нового не произошло и на этот раз: А. Г. Лукашенко одержал очередную «элегантную победу», оппозиция потерпела очередное сокрушительное поражение, международная реакция сюрпризов тоже не преподнесла. Неужели впереди опять бесконечный тупик?

Нет, этим выборам все же была присуща событийность, чреватая стратегическим изменением ситуации. Прежде всего, имеются в виду массовые гражданские протесты 19–25 марта, которые оказались *вторжением политического в инсценированную политику*. Граждане решились на прямое противостояние мощной репрессивной машине, чтобы отстоять свое человеческое достоинство, право самостоятельно определять свою жизнь и судьбу своей страны. Наверное, у многих участников не было ясного представления об альтернативном пути развития, но было твердое убеждение: так, как сейчас, в Беларуси больше быть не должно. И, отстаивая это убеждение, они шли на риск и были готовы на самые серьезные жертвы. Конечно же, революция не могла состояться: слишком неравны силы, слишком слаба организация; но значение гражданского протеста велико: вторжение политического, пусть кратковременное и локальное, пробило брешь в замкнутой белорусской «реальности».

В системе политической экономии страха, поддерживающей официальную модель «народовластия», постепенно происходят струк-

турные изменения: больше становится тех, кто способен без государственной опеки выстраивать свою жизнь в «большом мире» и не отзывается на оклик идеологических аппаратов государства. Отсюда следует повышение роли откровенно репрессивного воздействия, что снижает «бесшумность», а значит, и эффективность работы системы. Она еще достаточно работоспособна, для того чтобы обеспечить власти прагматически достаточную поддержку. Но, с другой стороны, следует учитывать, что официальная модель «народовластия» предполагает единство и неделимость Народа: у воображаемого суверена не может быть рассогласованных частей. И если становится явным, что существенная часть граждан решительно против авторитарной власти, и эту часть не подвести под категорию горстки оплаченных из-за рубежа изгоев и отщепенцев, то в функционировании модели «народовластия» происходит системная ошибка; нужно допускать то, что здесь невозможно по определению, потому что самоубийственно: самостоятельную политическую активность населения, ценностный плюрализм, независимую публичную сферу и т. п.

За видимым восстановлением пресловутой белорусской «стабильности» скрывается фундаментальная неопределенность будущего. С учетом этой неопределенности едва ли реалистично прогнозировать сроки перехода от специфического белорусского «народовластия» к обычной демократии. Ясно лишь, что эта перспектива напрямую зависит от динамики дальнейших вторжений политического в инсценированную политику, от публичных акций граждан, самоотверженно заявляющих о своем неприятии системы общественной гетерономии.

Примечания

- ¹ Castoriadis C. *Philosophy. Politics, Autonomy*. Ed. by David A. Curtis. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991.
- ² См.: Calhoun C. *The Public Good as a Social and Cultural Project*, in Powell W., Clemens L. (eds.) *Private Action for the Public Good*. New Haven: Yale UP, 1998.
- ³ Ср.: Хабермас Ю. *Демократия, разум, нравственность*. М., 1995.
- ⁴ Archibugi H., Held D. (eds.) *Cosmopolitan Democracy: An Agenda for a New World Order*. Stanford: Stanford UP, 1995.
- ⁵ Mouffe Ch. *The Return of the Political*. Verso, 2006.
- ⁶ Fraser N. *Rethinking the Public Sphere*. Social Text 25/26. 1990.
- ⁷ Выступление президента Республики Беларусь А. Лукашенко на церемонии подписания решения, принятого республиканским референдумом 17 ноября 2004 г.
- ⁸ См. подробнее: Фурс В. *Белорусская реальность в системе координат глобализации (постановка вопрроса) // Топос*. 2005. № 10.
- ⁹ Идея «мягких репрессий» позаимствована из доклада Маргариты Бальмацеды на конференции «Беларусь на перекрестках посткоммунизма» (Вильнюс, май 2005).